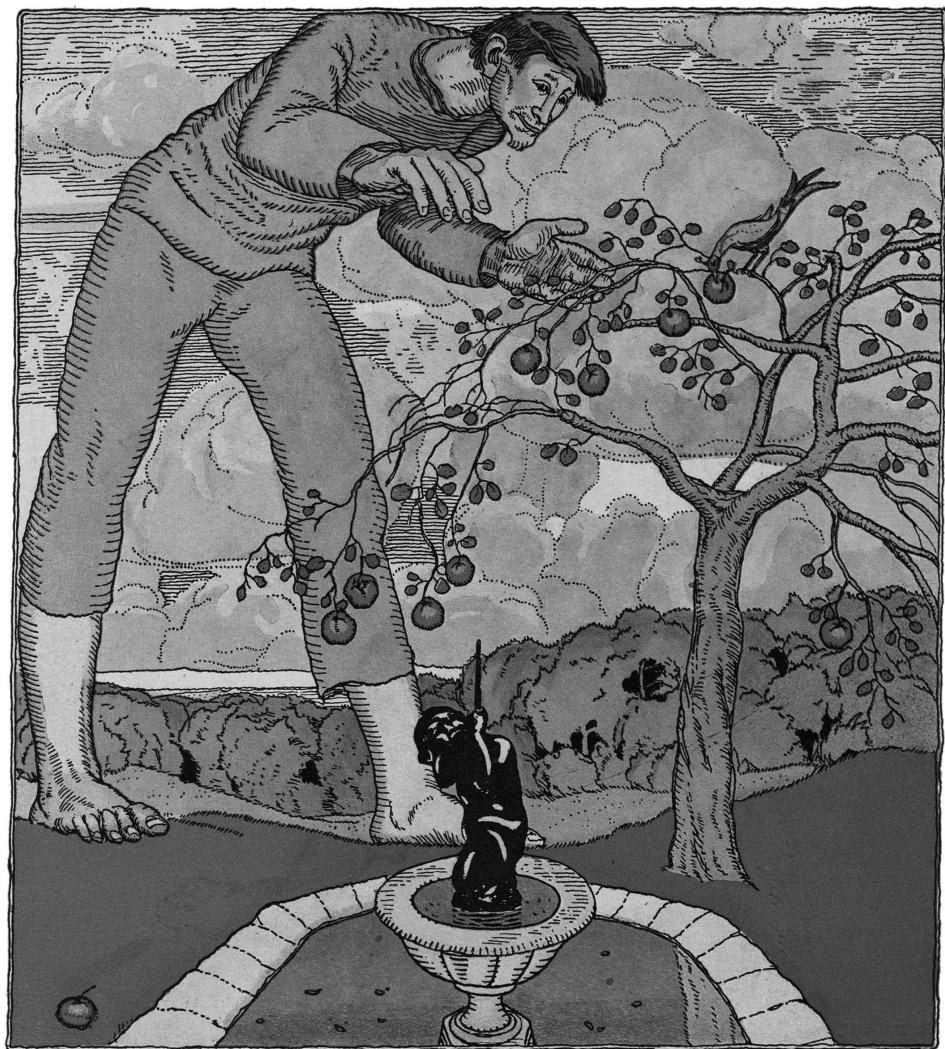

„...Пришель высокій великанъ Венька, о четырехъ глазахъ...“

В. Бортискинъ.

„...Прибѣгаетъ великанъ въ Марьянинъ садъ, а въ саду на яблонѣ
кенареечная птичка сидитъ...“

— А если заплачу?

— Птичка хвостомъ тряхнетъ и улетитъ.

Жалко стало царевнѣ съ птичкой разстаться, глаза Марьяна потеряла и заплакала.

А птичка хвостомъ тряхнула, открыла клѣтку, шмыгъ за окно и улетѣла.

Принялась Дарья царевнѣ Марьянѣ глаза фартукомъ вытирать и говорить:

— Не плачь, я сбѣгаю, великана Веньку позову, онъ птичку намъ поймаетъ.

Пришелъ высокій великанъ Венька, о четырехъ глазахъ — два глаза видно, а два не видно.

Постоялъ Венька и говоритъ: — я ѣсть хочу.

Принесла ему Дарья горшокъ каши.

Великанъ кашу съѣлъ и горшокъ съѣлъ, нашелъ нянькины башмаки и башмаки съѣлъ — такой былъ голодный, — ротъ вытеръ и убѣжалъ.

Прибѣгаетъ великанъ въ Марьянинъ садъ, а въ саду на яблонѣ кенареечная птичка сидитъ и клюетъ красныя яблоки. Великанъ и думаетъ, что ему сначала схватить: яблоко или птичку.

И, пока думалъ, явился лютый медвѣдь и говоритъ:

— Ты зачѣмъ кенареечную птицу ловишь? Я тебя съѣмъ.

И сталъ медвѣдь лапой землю скрести.

Великанъ испугался, съѣлъ на домъ и ноги поджалъ, а птичка шмыгъ въ кусты и улетѣла за озеро.

Огорчился великанъ и принялся думать, какъ ему медвѣдя перехитрить; придумалъ, нарочно испугался и закричалъ:

— Ой, рыжій быкъ бѣжитъ, ой, боюсь.

Медвѣдь одного только рыжаго быка и боялся на свѣтѣ, сейчасъ же легъ на бокъ и морду въ кусты засунулъ — спрятался.

А великанъ съ крыши слѣзъ и къ озеру побѣжалъ.

Озеро было длинное — не перейти, а на той сторонѣ на вѣткѣ птичка сидитъ.

Великанъ былъ догадливый, сейчасъ же легъ на берегъ и сталъ озеро пить.

Пилъ, пилъ, пилъ, пилъ, пилъ, пилъ, пилъ, пилъ, пилъ, пилъ, пилъ, и выпилъ все озеро вмѣстѣ съ лягушками.

Всталъ на четверинки и побѣжалъ за птичкой по сухому дну.

А птичка дальше въ темный лѣсъ улетѣла.

Неудобно великану по лѣсу идти, деревья за подмышки задѣваютъ, озеро въ животѣ съ лягушками плещется и настаётъ темный вечеръ.

По вечерамъ лягушки квакать привыкли, и принялись онѣ въ животѣ у великана громко квакать.

Великанъ испугался, сталъ аиста звать.

„...Великанъ испугался, сѣлъ на домъ и ноги поджалъ...”

Проснулся бѣлый аистъ; стоялъ онъ на одной ногѣ на сухомъ пенекѣ; глаза протеръ, подождалъ, пока луна взойдетъ, чтобы виднѣе было, подлетѣлъ къ великану и говорить:

— Раскрой ротъ.

Великанъ раскрылъ ротъ, аистъ туда голову сунулъ, поймалъ лягушенку и проглотилъ.

Тогда кричить изъ живота лягушиный царь:

— Прогони бѣлаго аиста, я тебѣ сундучекъ подарю, безъ него птички не поймаешь.

Великанъ зналъ, что лягушиный царь — честный, ротъ закрылъ и говорить:

— Уходи, бѣлый аистъ, чай, ужъ наѣлся.

А лягушиный царь вылѣзъ въ великановъ ротъ, лапой подаль хрустальный сундучекъ и объяснилъ:

„...Великанъ былъ догадливый, сейчасъ же легъ на берегъ и сталъ озеро пить...”

— Въ сундукъ туча, въ тучѣ съ одного краю молнія, съ другого — дождикъ, сначала погрозись, потомъ открывай, птица сама поймается.

Обрадовался великанъ, взялъ сундучекъ и дальше побѣжалъ за кенареечной птичкой.

А птичка черезъ темный оврагъ летитъ и черезъ высокую гору,

и великанъ черезъ оврагъ лѣзеть, и на гору бѣжить, пытитъ, до того усталъ, и языкъ высунулъ, и птичка языкъ высунула.

Великанъ и кричитъ птичкѣ:

— Царевна Марьяна приказала тебя поймать, остановись, а то сундучекъ открою...

Не послушалась птичка великана, только ногой по вѣткѣ топнула.

Тогда великанъ открылъ сундучекъ.

Вылетѣла изъ сундучка сизая туча, кинулась къ птичкѣ и заворчала.

Испугалась птичка, закричала жалобно и метнулась въ кусты.

И туча въ кусты полѣзла.

Птичка подъ корень, и туча подъ корень.

Взвилась птичка въ небо, а туча еще выше, да какъ раскатилась громомъ и ударила въ птичку молніей — трахъ!

Перевернулась птичка, посыпались съ нея кенареечныя перья, и вдругъ выросли у птицы шесть золотыхъ крыльевъ и павлиній хвостъ.

Пошелъ отъ птицы яркій свѣтъ по всему лѣсу.

Зашумѣли деревья, проснулись птицы.

Ночныя русалки съ берега въ воду попрыгали.

И закричали звѣри на разные голоса:

— Жаръ-Птица, Жаръ-Птица!!..

А туча напыжилась и облила Жаръ-птицу мокрымъ дождемъ.

Замочилъ дождикъ золотыя крылья Жаръ-птицѣ и павлиній хвостъ, сложила она мокрыя крылья и упала въ густую траву.

И стало темно, ничего не видно. Великанъ въ травѣ пошарилъ, схватилъ Жаръ-птицу, сунулъ за пазуху и побѣжалъ къ царевнѣ Марьянѣ. Царевна Марьяна привередничала, губы надула сковородникомъ, пальцы растопырила и хныкала:

— Я, нянька, безъ кенареечной птички спать не хочу.

Вдругъ прибѣжалъ великанъ и на окно посадилъ Жаръ-птицу.

И въ комнатѣ свѣтло, какъ днемъ.

Жаръ-птица за пазухой у великана пообсохла, теперь крылья расправила и запѣла:

Я медвѣдя не боюсь,
Отъ лисы я схоронюсь,
Улечу и отъ орла,
Не догонить въ два крыла.

„...И вдруг выросли у птицы шесть золотых крыльев и павлиньи хвосты...”

А боюсь я только слезъ,
Ночью дождика и ростъ,
И отъ нихъ умчуся я
За лѣса и за моря.

Свѣту-Солнцу я сестрица,
И зовутъ меня Жаръ-птица.

Спѣла Жаръ-птица, потомъ сдѣлала страшные глаза и говорить:
— Вотъ что, никогда, Марьяна, не хныкай, слушайся няньку Дарью,
тогда я каждую ночь буду къ тебѣ прилетать, пѣть пѣсни, рассказы-
вать сказки и во снѣ показывать раскрашенныя картинки.

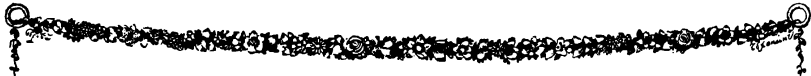
Затрещала крыльями Жаръ-птица и улетѣла.

Кинулась Дарья опять за великаномъ, а великанъ спалъ въ саду,
одна нога въ пруду, другая на крышѣ, и въ животѣ лягушки квакали.

Царевна же Марьяна больше плакать не стала, глазки закрыла и
заснула.

Знала Марьяна, что каждую ночь будетъ прилетать къ ней Жаръ-
птица, садиться на кровать и рассказывать сказки.

ПРИСТАВАЛКА.

- Отчего у мамочки
На щекахъ двѣ ямочки?
- Отчего у кошки
Вмѣсто ручекъ ножки?
- Отчего шоколадки
Не растутъ на кроваткѣ?
- Отчего у няни
Волоса въ сметанѣ?
- Отчего у птичекъ
Нѣтъ рукавичекъ?
- Отчего лягушки
Спятъ безъ подушки?
- Оттого, что у моего сыночка
Ротъ безъ замочка! *).

*) А если читаете дѣвочкѣ, то послѣднія строки читайте такъ:

Оттого, что у тебя, дочка,
Ротъ безъ замочка!

СОБАЧЬЕ ЦАРСТВО.

ОБА и Буба были нехорошіе мальчики, и жилъ у нихъ песъ Мериносъ. Они его дразнили и мучили. Привяжутъ къ хвосту бумажку, подожгутъ ее спичкою, ему больно, онъ бѣгаетъ и

МЕРИНОСЪ

плачетъ, а они смѣются надъ нимъ. Такіе скверные мальчики!